

20. Карпіевіч, В. А. Развіццё гандлю ў Беларусі (1861–1900) : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02: / В. А. Карпіевіч. – Мінск, 2003.
21. Дроздова, Е. А. Банковская система и ее роль в социально-экономическом развитии Беларуси (1861–1914 гг.): дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. А. Дроздова. – Минск, 2010.
22. Бурачонак, А. В. Дзелавае актыўнасць насельніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. як актуальная праблема айчынай гістарыяграфіі / А. В. Бурачонак // *История и историография: объективная реальность и научная интерпретация* : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения акад. В.И. Пичеты / рэдкал.: А. Д. Король (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 184–188.
23. Бурачонак, А.В. Фарміраванне арганізацыйна-прававых асноў прамысловага прадпрыемства ў Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. / А.В. Бурачонак // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. / Рэдкалегія: Э.М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелНДІДАС, 2014. – Вып. 15. – С. 130–142.
24. Бурачонак, А.В. Палітыка ў адносінах да іншаземных прадпрыемстваў на тэрыторыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. / А.В. Бурачонак // *Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 лістапада 2018 г.* / рэдкал. : А. Д. Кароль (старш.) [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2018. – С. 68–71.
25. Бурачонак, А.В. Эвалюцыя заканадаўства ў сферы падаткаабкладання гандлю на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. / А.В. Бурачонак // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. / Рэдкалегія: Э.М. Савіцкі (гал. рэд.) і інш. – Мінск: БелНДІДАС, 2016. – Вып. 17. – С. 118–133.
26. Бурачонак, А.В. Бровар з адметнай гісторыяй: заснаванне і дзейнасць мінскага піваварнага завода Фрумкіных–Чапскага–Лекертаў у другой палове XIX – пачатку XX ст. / А.В. Бурачонак // *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Гісторыя*. – 2018. – № 4. – С. 44–53.

Верле Артем Викторович

Псковский государственный университет (Псков, Россия)

МЫШЛЕНИЕ КАК ПИТАНИЕ (ПО ПОВОДУ ОДНОЙ ФРАЗЫ ИЗ «СПОРА ФАКУЛЬТЕТОВ» И. КАНТА)

Фразу, о которой я веду речь, можно найти в третьем разделе «Спора факультетов» (1798) Иммануила Канта. Называется этот раздел «Спор философского факультета с медицинским» и посвящен он, в целом, идее координации и соответствия здоровья духа и здоровья тела. Звучит фраза так: «*Einem Gelehrten ist das Denken ein Nahrungsmittel, ohne welches, wenn er wach und allein ist, er nicht leben kann; jenes mag nun im Lernen (Bücherlesen) oder im Ausdenken (Nachsinnen und Erfinden) bestehen*» («Для ученого мышление составляет питание, без которого он, пребывая в одиночестве и бодрствуя, не может жить; мышление может заключаться в приобретении знаний (чтении книг) или в самостоятельном исследовании (обдумывании и открытиях)») [5, 252–253, курсив автора. – А.В.]. Интересно рассмотреть основания и следствия этой идеи, во-первых, в контексте кантовской мысли, а во-вторых, в перспективе современного состояния и устремлений университетского образования.

«Спор факультетов» – сочинение крайне своеобразное. Оно является, в значительной степени, выводом из личного опыта и годами выверенного отношения Канта к миру. В 1796 г. Кант заканчивает преподавательскую деятельность, которой посвятил 40 лет своей жизни, пройдя все ступени академической карьеры от приват-доцента до ректора. В этом году философу исполнилось 72 года, отмеченные последовательной и строгой организацией жизни, стоическим отношением к быту и дей-

ствительности, уже тогда не отделимыми от его ставшего легендарным образа. В трактате Кант предлагает проект радикальной пересборки системы университетского образования и обосновывает его необходимость. Что представляла собой традиционная структура университета? С момента возникновения университетов во второй половине XII в. они состояли из младшего, то есть пропедевтического, философского факультета и трех старших: теологического, юридического и медицинского факультетов, перечисленных здесь по их старшинству. Студенты, прошедшие подготовительный философский факультет, который еще назывался факультетом свободных искусств вследствие того, что преподавание на нем было куда менее регламентированным со стороны правительства, чем на старших факультетах, и успешно усвоившие знаменитые тривиум (грамматику, риторику и диалектику) и квадривиум (музыку или поэзию, арифметику, геометрию и астрономию), имели право в соответствии со своими интересами и склонностями переходить на один из старших факультетов. Кант полагает, что это система не отвечает актуальному состоянию наук и должны быть пересмотрена. Основная стратегия изменений такова: из младшего – подготовительного – философский факультет должен стать самостоятельным. Но этого мало: он должен быть основой университетского образования, составляя не только его базис, но и *направляя* его, открывая новые горизонты как для вновь рождающихся наук, так и для традиционных областей практического знания, подлежащего сфере государственного контроля и регулирования, а именно: теологии, юриспруденции и медицины. В данном случае в Канте говорит не просто философ, высокомерно полагающий свою науку центром любой позиции, но глубокий методолог и практик образования. Кант первым осознал методологическую роль философии в отношении научного знания, его теоретического характера и практического применения. Философия, по мысли Канта, должна и может подготавливать, сопровождать и направлять на опережение все области научного знания. То есть философия – это не столько наука в ряду наук, сколько сам метод и фундаментальный принцип организации мышления, который единственно и может быть сочтён научным. Важно отметить также и то, что трактат «Спор факультетов» появляется в связи с рядом столкновений Канта с королевской цензурой по религиозным вопросам. Это обстоятельство приносит политико-организационный аспект в общее направление реформистской мысли философа.

Не претендуя на полный анализ кантовского трактата, описав в общих чертах его контекст и общую направленность, я хотел бы теперь сосредоточиться на содержании его третьего раздела и собственно той фразы, что является предметом текущего разбирательства.

Этот раздел трактата интересен как опыт валеологии. Кант проделал его над самим собой, добился результатов и рассчитывает на внимание и доверие потомков. По поводу стиля этого раздела Л.А. Калинин замечает: «Груз ответственности, явно ощущающийся в первых двух разделах трактата здесь исчезает, и Кант меняет тон: из иронического с вкраплениями явного сарказма он становится мягким и открытым, с иронией над самим собой и легким юмором. Ювеналов стиль сменяется на стиль Марциала более склонного смеяться над собой, чем над другими. Кто убежден в постоянной серьезности Канта будет приятно удивлен его

шуткам, анекдотам, искрометным замечаниям. Чтение его доставит и удовольствие, и пользу всякому, кто не прочь «быть здоровым и жить долго» [4, 19]. Кстати будет заметить, что основное содержание раздела, между тем, близко именно знаменитой, но искажённой употреблением, строке 356 из Сатиры X Деция Юния Ювенала (ок. 61 – ок. 127): «*Orandum (e)st ut sít mens sán(a) in córpore sáno*» («Надо молить, чтобы ум был здоровым в теле здоровом»). Сопряжение телесной жизни и жизни духе в аспекте здоровья в данном контексте выступает не как фактичность («В здоров теле – здоровый дух»), а как требующая молитвенного обращения желательность («*Надо молить*, чтобы ум был здоров в теле здоровом»). Как диететический принцип, требующей организованного прилежания понимается это отношение и у Канта. Важно отметить и ещё один смысл, который имплицитно присутствует в строке Ювенала и считывается читателем, хорошо знакомым с латинским языком. Слово *sánitas* в латинском языке многозначно и, помимо здоровья, означает ещё, во-вторых, здоровый смысл, рассудительность, разумность, благоразумие; в-третьих, трезвость спокойствие, уравновешенность; в-четвёртых, прочность, надёжность, полноту, правильность [2, 898]. Эти значения не чужды и слову «здоровье» в русском языке. Показательно, что термин семантически, прежде всего, относится к духу, а не к телу. Этот аспект и рассматривает Кант в третьей части своего трактата.

Основная идея спора философского факультета с медицинским сформулирована в качестве подзаголовка: «О способности духа с помощью одного лишь намерения справиться со своими болезненными ощущениями». Текст представляет собой ответ Канта на книгу йенского профессора медицины Кристофа Вильгельма Хуфеланда (1762–1836) «Искусство продлить человеческую жизнь». Философа интересует, прежде всего, диететика, то есть практика предотвращения болезней духа, а не их терапия, то есть лечение. Место философии в этой практике Кант определяет так: «моральная, практическая философия является также универсальной медициной, которая, правда, не излечивает всех от всего, но необходимо должна присутствовать в каждом лечении» [5, 226]. То есть реформистский проект в отношении системы университетского образования тематизируется здесь через утверждение моральной философии в качестве сущности любой возможной медицины, существующей в смысле науки и практики. Кант оговаривается, что он не претендует на общезначимый характер своих обобщений и рекомендаций, но свидетельствует лишь о своём личном опыте в этом отношении. Уважение к старости основывается не на почтении к слабости и не на восторге перед мудростью лет, а опирается на то, «что такой человек долго сохранял свою жизнь и может служить примером другим» [5, 230], отмечает Кант. Далее философ замечает, что ощущение здоровья ещё не означает фактического наличия здоровья. И если, безусловно, есть возможность счастливого самозабвения действительности собственного состояния, то это никоим образом не способно обеспечить долголетия, так как болезнь, естественно, разрушает равно того, кто о ней знает, так и того, кто о ней не ведаёт. Задача истинной диететики духа состоит не в самозабвении актуального состояния, а в действительном обеспечении здорового долголетия через такую превентивную практику духа, которая не доводит дела до необходимости терапевтических мер. Основным

принципом диететики духа Кант полагает стоицизм – то есть моральную и медицинскую практику воздержания от изнеженности, излишеств и чувственных удовольствий. Власть разума над чувствами – это главный постулат таковой установки. Среди *вредных* для здорового человека условий и обстоятельств Кант перечисляет чрезмерные и неуместные тепло, сон и внешний заботливый уход, каковой имеет место, например, в браке («желание переложить работу, которую человек может делать сам, на других и тем самым удлинить свою жизнь – такая заботливость достигает противоположного результата, а именно: ведет к ранней старости и к сокращению жизни» [4, 236]). Среди способов оживления жизненных сил, способствующих долголетию, Кант особо выделяет философствование: «*философствование* служит средством, с помощью которого можно, не будучи по существу философом, в ряде случаев отстранять неприятные ощущения и вместе с тем вызывать возбуждение, приносящее интерес в нашу духовную жизнь; этот интерес не зависит от случайных внешних обстоятельств и поэтому, оставаясь, правда, только игрой, тем не менее обладает той интенсивностью и внутренней сосредоточенностью, которые препятствуют застою жизненных сил. Что же касается философии с присущим ей интересом к конечной цели разума в ее целостности (а эта цель есть абсолютное единство), то она, напротив, сама преисполнена тем чувством силы, которое может в известной степени компенсировать физическую слабость преклонного возраста разумным отношением к ценности жизни.» [5, 236–237]. Впрочем, по Канту, всякая «*непосредственная заинтересованность*» в познании и деятельности любого рода также служит долголетию и в этом смысле является философской, будь то занятия математикой или любой другой наукой. Интересно, что занятия эти могут быть и вовсе ничтожными, но давать, не смотря на свою ничтожность, тот же положительный результат.

Далее Кант размышляет об ипохондрии (*hypochondria vaga*), то есть о такой болезненной слабости, что заставляет субъекта воображать болезнь без объективных к тому оснований. Ипохондрик не может преодолеть свою воображаемую болезнь, находясь уже в состоянии ипохондрии, поэтому особое значение приобретают превентивные диететические меры: разумная оценка опасений, их контроль и рассеивание, а в случае телесной склонности к угнетённости духа – организация целенаправленного контроля духа над телом, что Кант сам годами практиковал на своём слабом организме. Параграфы 2 и 3 раздела посвящены сну, питанию и питью, а именно определяющему значению умеренности, режима и систематичности этих занятий. Самоконтроль как следствие разумной и физиологически целесообразной системы здесь рассматривается как важнейший принцип диететики духа. Четвёртый параграф называется «О болезненных ощущениях, вызываемых неумением отводить мышлению соответствующее время» начинается фразой, ставшей поводом для столь затянувшегося вступления. Вполне обрисовав общий контекст кантовского трактата и, особенно, его третьего раздела, перейду к последовательному анализу основного предмета статьи.

Мысль, отождествляющая мышление и питание в отношении учебных занятий, вписана в последовательность идей, имеющих прямо физиолого-диететическое значение. Предыдущий пассаж посвящён еде и питью как таковым без всяких аналогий, а следующий устранению и пре-

дупреждению болезненных явлений посредством правильного дыхания. Контекст рассматриваемого параграфа знаковым образом совмещает практики духа и физиологические обстоятельства телесной жизни. Кант утверждает необходимость «диеты мышления» из тех же соображений, что его направляли в отношении диеты питания. Напомню, что греч. *diata*, помимо известного смысла, имеет и более широкое значение образа жизни, местопребывания, быта [1, 306].

«Однако если напряженно обдумывать какой-либо вопрос за едой или во время прогулки, одновременно обременять работой голову и желудок или голову и ноги, то это приводит в одном случае к ипохондрии, в другом к головокружению», – замечает Кант [5, 252]. Аристотель, который предпочитал размышлять, прогуливаясь под портиком своего Ликейя, наверное, здесь мог бы возразить Канту относительно ног, а Платон с его знаменитым «Пиром» и Плутарх с его «Застольными беседами» (да в целом и вся греческая традиция симпозиона) могли бы здесь возразить и относительно несовместимости головы и желудка. Как явно Кант отрицает в своей диете мышления эти общеизвестные античные образцы! Кажется, что здесь выразительно сказывается не только личная телесно-духовная особость немецкого философа, но и некий эпохальный момент, связанный с фигурой особого типа и образа кабинетного философа, вкушающего знания в чтении и размышлении в тиши и уединённости своей скромной обители. Очень симптоматично, что в параграфе из двух недлинных абзацев Кант дважды настойчиво упоминает о необходимом одиночестве (*allein, ohne Gesellschaft*) духовных трапез. Для Канта мышление, таким образом, не является мотивом и движителем дружеской застольной беседы, городской или пригородной прогулки. Философ здесь представляет ту педагогическую тактику, что запрещает ребёнку читать или смотреть мультфильм за едой во избежание испортить пищеварение и запрещает есть и пить на ходу или за решением уроков. Современная бытовая нутрициология вполне согласуется с предостережениями пожилого немецкого философа. Важно помнить, что речь идёт о продлении жизни, а не о обеспечении её насыщенности. То есть, возможно, беседа на пиру или на ходу – это прекрасно, но жизнь сокращает.

Ещё один интересный аспект кантовской мысли состоит в некоем физиологическом редукционизме: мышление понимается как деятельность, имеющая если не физиологическое содержание, то, по крайней мере, физиологический эффект. Парадокс картезианского дуализма, замершего перед загадкой связи несовместимых субстанций, у Канта позиционирован примером практики системного баланса и подвижной симметрии органических функций. Невольно приходит на ум и парменидовский тезис о тождестве мышления и бытия, здесь иронически переосмысленный как тезис о тождестве мышления с едой и питием. Самопожертвование пеликана, питающего собственной кровью своих несчастных птенцов, как символ педагогики, встаёт в этот пусть и иронический, но при этом симптоматический ряд.

Без питания мышлением, утверждает Кант, учёный не может жить. Это, безусловно, сильный тезис, в отношении которого возникает серьёзный вопрос о его правдоподобии. Истолкование, снижающее тезис до умеренности, может выглядеть так: речь идёт об учёном как субъекте, определяемым мышлением, то есть если не мыслишь (не «питаешься»

чтением и исследованием), то и не являешься учёным, хотя можешь при этом оставаться, например, человеком; и более того – если питание чтением и исследованием не является для тебя жизненной потребностью, то ты тогда и не являешься учёным. Если вспомнить кантовское размышление о том, что философский аспект содержится в любой *«непосредственной заинтересованности»*, что работает на продление жизни, о чём идёт речь во вступлении к третьему разделу, то эта обоснование представится вполне допустимым. Диета мышления необходима учёному, по определению являющемуся субъектом мышления, дабы жизнь его не сократилась по причине неправильного и бессистемного духовного потребления.

Учёный, взращиваемый правильным университетом, чем бы он ни возжелал заниматься, по мысли Канта, должен быть предупрежден и предорганизован системой диететических мер, чтобы его внимание, сосредоточенность, заинтересованность и системность, в единстве с набором духовно-телесных практик сна, питания и дыхания, поспособствовали его учёной эффективности и просветлённому долголетию. Эта просвещенческая система телесных практик, разворачивающаяся вокруг целей и задач целенаправляемого разума очень показательна, особенно на фоне античных и возрожденческих практик уравновешенного гедонизма и средневековых телесных практик мистического аскетизма. В кантовском тексте определяющий мотив принадлежит прохладной и бодрой умеренности, что отражает и некоторые установки пиетизма, являвшегося основой моральной философии Канта наряду с античным стоицизмом.

В завершении хотелось бы поместить эти размышления в современный контекст. Ясно, что инициированный Кантом спор факультетов, в котором философии и представляющему её факультету принадлежит ключевая роль морально-диететического руководства, не получил реального воплощения. Философские факультеты не являются ни пропедевтической базой иных, теперь уже гораздо более многочисленных факультетов, ни, тем более, системной и целеполагательной основой любого из них. Место и роль философии так специализировались, что она стала маргинализированным анклавом внеуниверситетских творческих практик. Может ли она рассчитывать теперь на хотя бы одно из прежних мест или на какое-то иное и особое место? Во Франции 1968 г. на уровне резонансных интеллектуальных протестных движений очень активно обсуждалась роль философии в лицеях и университетах, при том, что она сыграла не последнюю роль в развитии самих этих движений [3, 236–260]. Речь шла, прежде всего, о реактуализации на новом уровне ещё базовой классической установки, на смену которой предлагал свой проект Кант. Пропедевтическая роль философии удержалась как во Франции, так и в некоторых других странах. Кажется, что стоит вновь возобновить, конечно, на новом актуальном уровне, и кантовский спор факультетов в силу важности его целевых и моральных возможностей или даже необходимости. Ведь, надеюсь, именно учёный жаждущий познания, как морального и духовного принципа жизни, и способной к философской диете мышления – это фигура сейчас актуальная, возможно, как никогда.

Библиографические ссылки

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман; репринтное издание 1899 года. – М., Греко-латинский кабинет им. Ю.А. Шичалина, 2006. – 1370 с.

2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь / И.Х. Дворецкий; изд. 2-е, переработ. и доп. – М., Русский язык, 1976. – 1096 с.
3. Декомб В. Философия грозных времён / В. Декомб // Современная французская философия: [Сборник] / Пер. с франц. / В. Декомб. – М., Издательство «Весь Мир», 2000. – С. 184 – 336.
4. Калинин Л.А. О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом / Л.А. Калинин // Кант И. Спор факультетов / И. Кант. Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; Отв. ред. Л.А. Калинин. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – С. 3 – 24.
5. Кант И. Спор факультетов / И. Кант. Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; Отв. ред. Л.А. Калинин. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 286 с.

Волнистая Марина Георгиевна

Республиканский институт высшей школы БГУ (Минск, Беларусь)

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА
И УНИВЕРСИТЕТ В УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ (НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТА
НАН БЕЛАРУСИ, ДОКТОРА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ
НАУК, ПРОФЕССОРА М. И. ДЕМЧУКА)**

Роль личности в истории университетского образования – это предстоящая в перспективе актуальная междисциплинарная тема для исследователей феноменологии личности, специалистов в области философии и социологии образования, истории педагогики, философов и историков науки. В центре этого научного интереса – факторы влияния личности лидера в науке на темпы и динамику сложных институциональных изменений в системе научных знаний и системе университетского образования как «человекообразных» системах по Степину В.С. Научные школы – это важнейший элемент формирования национальной инновационной системы на этапах трансформационных процессов экономики и общества. Именно в такие моменты «человекообразность» науки и образования как социальных систем определяется масштабом таланта и целеустремленности личности руководителя научного сообщества в рамках дисциплинарной отрасли научного знания, его профессионализмом и глобальной перспективой видения, широтой научных интересов. Именно такими лидерами национальных научных школ известна история институционального становления отечественной науки и университетского образования. Мы по праву должны гордиться именами и делами таких людей и не забывать их в исторической памяти конкретных университетов для сохранения фундаментальных основ национального университетского образования. Это особенно важно сегодня для нашей страны в стремительной динамике формирования новых форматов научной коммуникации и научных сообществ в цифровой экономике знаний.

История образовательного и научного поля Республики Беларусь сформирована уникальными страницами биографий университетских и академических профессоров и академиков, ставших научными лидерами важнейших фундаментальных научных направлений. Они фактически стали создателями будущих социальных статусов современного обще-